

СТАТЬЯ НОМЕРА

Оригинальная статья

УДК 316.356.2:316.7

JEL J12, J13, Z13

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_1_198_210

EDN NMUJCJ

Про любовь и не только: студенты о семье и браке

Ирина Борисовна Бритвина¹, Екатерина Васильевна Зайцева²

^{1,2} Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

¹ (irina.britvina@urfu.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-2862-4408>)

² (e.v.zaitceva@urfu.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-2112-3029>)

Аннотация

Целью статьи является анализ феномена ценностного дуализма в сознании современного студенчества, проявляющегося в приоритете эмоционально-психологических аспектов брака (любовь, доверие) при одновременном росте субъективных барьеров и страхов перед социально-экономической неопределенностью будущего. Эмпирическую базу исследования составили результаты формализованного опроса студентов шести крупнейших вузов г. Екатеринбурга (N=1188). Теоретическая рамка работы базируется на синтезе концепций «чистых отношений» Э. Гидденса, «текущей современности» З. Баумана и теории межпоколенческого сдвига ценностей Р. Инглхарта. В ходе исследования выявлено противоречие между сохранением семьи как высшей терминальной ценности и деградацией инструментальных условий её создания. Установлено, что ключевыми барьерами для вступления в брак выступают экономический кризис (67,7%) и неопределённость будущего (65,6%). Зафиксирован значимый гендерный разрыв: женщины в три раза чаще мужчин рассматривают семью как инструмент обеспечения экзистенциальной безопасности. Особое внимание уделено фактору медиатизации: показано, что доминирующее влияние социальных сетей (80%) способствует конструированию семьи как «визуального проекта успеха», что искусственно завышает материальный порог готовности молодёжи к браку. Обоснован вывод о трансформации жизненной стратегии студенчества: переход к модели «отложенного взросления» превращает брак из стартового этапа взрослой жизни в «результат и награду» за достигнутый социальный успех. В заключении сформулированы рекомендации по совершенствованию демографической политики, обосновывающие необходимость перехода от прямых выплат к созданию «инфраструктуры уверенности».

Ключевые слова: брачно-семейные установки, барьеры, ценностный дуализм, трансформация, институт семьи, гендерная асимметрия, студенты, опрос, Екатеринбург

Для цитирования: Бритвина И.Б., Зайцева Е.В. Про любовь и не только: студенты о семье и браке // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 2. С. 198–210. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_1_198_210 EDN NMUJCJ

RAR (Research Article Report)

JEL J12, J13, Z13

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_1_198_210

About Love and More: Students on Family and Marriage

Ирина В. Бритвина¹, Екатерина В. Зайцева²

^{1,2} Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

¹ (irina.britvina@urfu.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-2862-4408>)

² (e.v.zaitceva@urfu.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-2112-3029>)

Abstract

The purpose of this article is to analyze the phenomenon of value dualism in the consciousness of modern students, manifested in the priority of emotional and psychological aspects of marriage (love, trust) with the simultaneous growth of subjective barriers and fears of the socio-economic uncertainty of the future. The empirical base draws on the results of a formalized survey of students from six major universities in Yekaterinburg (N=1188). The theoretical framework of the study is based on the synthesis of the concepts of «pure relationships» by E. Giddens, «liquid modernity» by Z. Bauman, and the theory of intergenerational value shift by R. Inglehart. The study revealed a contradiction between the preservation of the family as the highest terminal value and the degradation of the instrumental conditions for its creation. It was found that the key barriers to marriage are the economic crisis (67,7%) and uncertainty about the future (65,6%). A significant gender gap has been identified: women are three times more likely than men to view family as a tool for ensuring existential security. Special attention is paid to the factor of mediatization: it has been shown that the dominant influence of social media (80%) contributes to the construction of family as a «visual project of success», which artificially increases the material threshold for young people's readiness for marriage. The study concludes that the transformation of the life strategy of students: the transition to the model of «delayed adulthood» transforms marriage from the starting point of adult life into a «result and reward» for achieved social success. In conclusion, the paper provides recommendations for improving demographic policy, justifying the need to switch from direct payments to creating an «infrastructure of confidence».

Keywords: marriage and family attitudes, barriers, value dualism, transformation, the institution of the family, gender asymmetry, students, survey, Yekaterinburg

For citation: Britvina I.B., Zaitseva E.V. About Love and More: Students on Family and Marriage. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(2):198-210. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_2_1_198_210 (In Russ.)

© Бритвина И.Б., Зайцева Е.В., 2026

Введение

Трансформация института семьи в начале XXI века приобрела характер фундаментального социокультурного сдвига, который проявляется в переосмыслении традиционных институтов и трансформации индивидуальных жизненных стратегий и затрагивает основы воспроизводства человеческого капитала и социальной стабильности. Для современной социологии молодёжи изучение брачно-семейных установок студенчества перестаёт быть вопросом простого демографического прогнозирования и переходит в плоскость анализа глубоких ментальных противоречий. Студенческая молодёжь 2025 года – это представители поколения, формирующегося в условиях «глобальной рискогенности» и цифровой транспарентности, когда традиционные сценарии жизненного пути подвергаются эрозии, всё чаще конкурируя с индивидуализированными «проектами самостроительства». Несмотря на актуализацию традиционных ценностей в публичном дискурсе современной России, на уровне реальных жизненных стратегий студенчества мы фиксируем сложный гибридный процесс, где нормативные образцы семьи сохраняются как идеал, но пути их достижения становятся вариативными и отложенными во времени. Актуальность данного исследования продиктована возникновением специфического феномена, который мы определяем как «ценностный дуализм». Суть его заключается в парадоксальном сочетании: при сохранении (и даже росте) субъективной значимости эмоционально-психологических аспектов брака (любви, доверия, духовной близости) наблюдается субъективная актуализация барьеров, препятствующих институционализации этих отношений. Эмпирическим индикатором этого процесса выступает устойчивый демографический сдвиг среднего возраста вступления в первый брак (с 22–24 лет в начале 2000-х до 26–29 лет в настоящее время), что свидетельствует о росте «цены входа» в семейную жизнь в восприятии молодёжи. Молодые люди стремятся к семье как к «тихой гавани», к поиску таких форм отношений, которые обеспечивают ощущение безопасности и предсказуемости в условиях неопределённости, но одновременно воспринимают её создание как зону критического риска.

Трансформация института семьи в представлениях студенческой молодёжи отражает глобальный переход от классических структур к моделям индивидуализации и самоконструирования. В современной социологии анализ концепта «образ жизни» молодёжи рассматривается не как жёстко заданная социальная колея, а как пространство выбора и осознанный «проект са-

мопостроения» [1]. Для анализа ценностного дуализма отечественными учёными использовались как теории «чистых отношений» Э. Гидденса, так теория «текущей современности» З. Баумана [2], которая характеризуется не только изменчивостью, но и «эфемерными отношениями» [3]. В то время как внешняя среда мотивирует молодёжь к отказу от устойчивых связей, студенты пытаются разрешить кризис идентичности через поиск доверительного партнёрства. В этом контексте важно обратиться к концепции «великой трансформации любви», где утверждается, что современные любовные страдания и неопределённость имеют не индивидуально-психологическую, а институциональную природу. В ходе такой трансформации выбор партнёра стал подчиняться рыночной логике конкуренции и рационального потребления. Свобода выбора («архитектура выбора») парадоксальным образом порождает не счастье, а постоянную тревогу, абулию (безволие) и неспособность к принятию обязательств, что мы и наблюдаем в установках современной молодёжи [4, с. 34, 69]. Таким образом, молодёжь находится в эпицентре конфликта между потребностью в психологической близости («чистые отношения») и непредсказуемостью жизненных траекторий в «текущем» обществе, где отсутствие безопасности становится главным барьером на пути перехода от романтических отношений к браку.

В условиях современной медиареальности процессы формирования жизненных стратегий молодёжи претерпевают радикальную трансформацию. Концептуальным фундаментом для понимания этих процессов служит институциональный подход С. Хьярварда, который рассматривает медиатизацию как исторический процесс, в ходе которого медиа не просто включаются в деятельность различных институтов, но сами обретают статус самостоятельного социального института [5]. В контексте семьи это означает, что образ желаемого будущего и модели репродуктивного поведения начинают диктоваться не внутрисемейными традициями, а правилами и форматами цифровых платформ. Особую роль в этом процессе играют аффордансы медианабора технических и функциональных возможностей, которые позволяют пользователям конструировать реальность вне привязки к физическому пространству и времени [6]. Как отмечает Н. Луман, массмедиа формируют новую реальность, в которой процессы конструирования контента и восприятия образов аудиторией ведутся параллельно, создавая устойчивые смысловые суждения, базирующиеся на опыте экранных персонажей [7].

Семья в сознании современного студента перестаёт быть исключительно приватным бы-

товым союзом и превращается в «визуальный проект». А. Хепп, развивая идеи «медиатизированного» мира, подчёркивает, что социальные действия сегодня реализуются через цифровые медиа, что ведёт к трансформации базовых институтов, включая брак и родительство [8]. Рост популярности социальных сетей в последние годы позволил пользователям получать огромное количество информации из различных источников. Благодаря беспрецедентному развитию технологий инфлюенсеры в социальных сетях могут эффективно взаимодействовать со своими подписчиками, так или иначе влияя на поведение, отношение и выбор молодых людей [9]. Цифровая среда становится символическим пространством, где формируются альтернативные представления о социальной норме, допустимом и желаемом [10]. Происходит автономизация установок: молодые люди, освобождаясь от универсальных институциональных сценариев, оказываются в роли участников активного, но крайне рискованного выбора жизненных траекторий [11].

Важным аспектом конструирования образа семьи является медиатизация семейной памяти. Новые медиа начинают оказывать определяющее влияние на формирование картины реальности, создавая симбиоз медиакультуры и устойчивых социальных практик. Медиатизация семейной памяти может иметь как конструктивные эффекты (формирование идентичности), так и деструктивные, когда образы прошлого заменяются симулякрами, сконструированными медиапространством [12]. Можно констатировать, что медиакоммуникативный подход позволяет увидеть в медиатизации не просто каналы передачи информации, а самостоятельную социальную систему, радикально трансформирующую демографические установки молодёжи [10]. В соцсетях семья как «визуальный проект» диктует стандарты, которые вступают в противоречие с объективной реальностью.

Исследования показывают, что для всех категорий молодёжи ребёнок остаётся основным смыслом жизни, однако механизмы реализации этой ценности различаются. Материальное стимулирование со стороны государства наиболее значимо для малообеспеченных групп, в то время как для обеспеченной молодёжи на первый план выходит потребность в сохранении привычного уровня потребления и психологического комфорта [13]. Неудовлетворённость жилищными условиями и отсутствие индивидуального пространства становятся критическими факторами: респонденты, проживающие в стеснённых условиях, не планируют деторождение даже при гипотетическом росте доходов [14].

Высокий образовательный статус родителей современных студентов выступает мощным фактором трансляции модели «ответственного родительства». Молодые люди стремятся не просто сохранить, но и повысить социальный статус, что заставляет их фокусироваться на карьере и получении образования, откладывая деторождение до достижения «полной финансовой готовности» [15]. Этот прагматичный подход подтверждается результатами опросов. Как отмечает О.В. Бессчётнова, высокая степень ответственности в условиях неопределённости и риска в сфере труда и занятости вынуждает молодёжь выбирать стратегии «отложенного родительства» [16]. При этом наблюдается размывание функциональной базы традиционных норм: если в аграрном обществе дети были залогом выживания родителей в старости, то в постиндустриальном обществе эту роль взяло на себя государство, что снижает инструментальную мотивацию к многодетности [17].

Важно подчеркнуть, что откладывание родительства не является признаком тотального гедонизма. Мониторинг студенчества показывает, что родительство в сознании молодых людей остаётся органичной частью «удовольствия от жизни», но требует стабильного фундамента [18]. Исследования западных учёных также указывают на «сдвиг приоритетов» в сфере родительства [19]. Таким образом, репродуктивные установки молодёжи детерминированы не только личными убеждениями, но и давлением внешней среды.

Целью статьи является анализ ценностного дуализма в сознании студентов, выражающийся в приоритете эмоционально-психологических аспектов брака (любовь, доверие) при одновременном росте субъективных барьеров и страхов перед социально-экономической неопределённостью будущего. Задачи исследования: раскрыть содержание смысловых ассоциаций студентов с понятием «семья»; ранжировать основные субъективные страхи и объективные барьеры, препятствующие вступлению в брак; определить влияние агентов цифровой социализации на формирование брачных установок; проанализировать гендерные различия в жизненных приоритетах и репродуктивных планах студентов. Объект исследования: представления студенческой молодёжи о семье и браке. Предмет исследования: ценностный дуализм в представлениях студентов Екатеринбурга о различных аспектах семьи и брака. Гипотезы исследования: 1) семья остаётся абсолютной терминальной ценностью, опережая деньги и карьеру; 2) в сознании студентов существует жёсткий паритет между готовностью к браку и его отрицанием; 3) доминирование соцсетей как агента социализации коррелирует с ростом

апатии и снижением интереса к реальности у молодёжи.

Теоретические и методологические положения

Теоретическим фундаментом исследования ценностного дуализма служат классические и современные концепции трансформации интимности. Так, Э. Гидденс в работе «Трансформация интимности» постулировал переход к хрупкой модели «чистых отношений» (pure relationships), которые держатся исключительно на эмоциональной выгоде сторон, а не на внешних требованиях традиций, и существуют до тех пор, пока обоим партнёрам «хорошо вместе» [20]. Данная трансформация была глубоко проанализирована в классической социологии П.А. Сорокиным. В работе «Кризис нашего времени» он указывал на неизбежный распад семьи в условиях доминирования «чувственной культуры». Сорокин выделял три типа социальных отношений: семейственные, принудительные и договорные. Согласно его концепции, современный брак деградирует от «семейственного» типа, основанного на слиянии «я» в «мы» и жертвенности, к чисто «договорному». В таком союзе стороны остаются эгоцентричными, а отношения строятся на утилитарном расчёте: получение максимума удовольствия при минимуме обязательств. Как только баланс выгоды и удовольствия нарушается, такой «договор» расторгается [21, с. 116–117, 130]. Именно эту «договорную» логику, маскирующуюся под поиск идеальной любви, мы и наблюдаем в ответах студентов. В концепции «текучей современности» З. Баумана подчёркивается, что в мире, где социальные связи становятся эфемерными, а рынок труда и экономические институты не гарантируют стабильности даже на краткосрочную перспективу, семья начинает восприниматься как единственный возможный оплот безопасности. Бауман отмечал, что современный человек боится долгосрочных обязательств («самопричинённое одиночество»), поскольку они ограничивают его маневренность в нестабильном мире. Этот конфликт между потребностью в укоренённости (семье) и страхом перед обязательствами (барьерами) составляет ядро ценностного дуализма [22]. Согласно теории смены ценностей Р. Инглхарта, по мере успешного формирования «государства благосостояния» наблюдается межпоколенческий сдвиг от «материалистических» ценностей (экономическая и физическая безопасность) к «постматериалистическим» (самовыражение и качество жизни) [17].

Теория медиатизации реальности [5; 6; 8] является важным направлением нашего исследова-

ния. Современная молодёжь находится под беспрецедентным влиянием социальных сетей и лидеров общественного мнения, которые практически полностью вытеснили традиционные институты. Медиасреда формирует визуализированный стандарт «успешной семьи», который зачастую недостижим для выпускника вуза. Это порождает когнитивный диссонанс: с одной стороны, «Instagram-модель» идеальной любви, с другой – реальность экономического кризиса.

Использованные данные и методы работы с ними

Эмпирическую базу статьи составили результаты социологического исследования, проведённого авторами в октябре 2025 года. Методом сбора информации стало анкетирование студентов. Выборка исследования является целевой (квотной по вузам и направлениям подготовки) и включает 1188 студентов шести крупнейших высших учебных заведений г. Екатеринбурга. Совокупность репрезентирует студенческую молодёжь города по нескольким параметрам: по уровню обучения – бакалавриат (74,2%), магистратура (15,6%), специалитет (10,2%); пропорционально по направлениям обучения (гуманитарные, технические и естественные); по полу – женщины (58,9%), мужчины (41,1%).

Инструментарий исследования включал авторскую анкету из 35 вопросов, структурированную по блокам: жизненные приоритеты, репродуктивные установки, ценностные смыслы семьи, факторы, препятствующие вступлению в брак.

Математико-статистическая обработка первичных данных выполнена в профессиональной программе автоматизированной обработки социологической информации Vortex. Для анализа данных применялись следующие методы: одномерный распределительный анализ (частотный анализ); двумерный анализ (построение таблиц сопряжённости); корреляционный анализ с расчётом коэффициента V Крамера для определения тесноты связи между переменными (выявлены значимые зависимости при $p < 0,05$); качественный анализ ответов на полуоткрытые вопросы (вариант «другое»).

Результаты

1. Смысловой дуализм: любовь против неопределённости.

Анализ ценностных ориентаций современного студенчества позволяет зафиксировать глубокую трансформацию смыслового ядра института семьи. В условиях перехода к обществу «позднего модерна» семья в сознании молодёжи окончательно утрачивает статус жёстко регламентиро-

ванного социального обязательства, превращаясь в пространство индивидуального выбора и эмоционального самовыражения. Эмпирические данные нашего исследования подтверждают доминирование психологических конструкторов над институциональными, однако за этим скрывает-

ся острый ценностный дуализм. Первым уровнем анализа выступает иерархия смыслов, вкладываемых студентами в понятие «семья». Согласно полученным данным (см. таблицу 1), смысловое поле семьи центрировано вокруг терминальных ценностей эмоционального характера.

Таблица 1

Иерархия смыслов семьи в сознании студентов

Table 1

Hierarchy of Family Meanings in the Minds of Students

Смысловой конструктор	% от ответивших	Ранг	Тип установки
Любовь	40,2	1	Терминальная (идеал)
Доверие	32,4	2	Психологическая (база)
Безопасность	13,2	3	Экзистенциальная (дефицит)
Материальная стабильность	4,0	4	Инструментальная

Источник: составлено авторами на основе результатов опроса.

Доминирование категорий «любовь» и «доверие» позволяет говорить о верификации теории «чистых отношений» Э. Гидденса. Для современного студента семья – это прежде всего союз, основанный на взаимной эмоциональной выгоде и психологическом комфорте. А тот факт, что почти половина респондентов (49,2%) называет семью «самым большим богатством», опережая такие ценности, как здоровье (43,9%) и деньги (21,5%), свидетельствует о сохранении высокой субъективной значимости этого института. Однако при более глубоком анализе обнаруживается

теневая сторона этого идеала. Третью позицию в рейтинге смыслов занимает безопасность. В контексте «текущей современности» З. Баумана этот показатель следует интерпретировать как запрос на онтологическую защищённость. Семья начинает восприниматься не только как пространство любви, но и как оборонительный конструктор, призванный компенсировать рискогенность внешней среды. Этот дуализм (между романтическим стремлением к близости и прагматичным поиском убежища) имеет ярко выраженную гендерную специфику (см. таблицу 2).

Таблица 2

Гендерная специфика восприятия семьи как «зоны безопасности»

Table 2

Gender Specificity of the Perception of Family as a «Safety Zone»

Пол респондента	Любовь (%)	Доверие (%)	Безопасность (%)	V Крамера (связь)
Женщины	41,0	29,3	18,3	0,343 (значимая)
Мужчины	39,1	36,9	5,9	

Источник: составлено авторами на основе результатов опроса.

Статистический анализ выявил значимую связь между полом респондента и восприятием семьи через призму безопасности (коэффициент V Крамера = 0,343 при $p < 0,005$). Женщины в три раза чаще мужчин (18,3% и 5,9% соответственно) определяют семью как гарант безопасности. Это позволяет сделать вывод, что в условиях социально-экономической неопределённости женская часть студенчества острее ощущает экзистенциальный дефицит защиты. Для мужчин же семья в большей степени ассоциируется с «доверием», что указывает на запрос на надёжное и партнёрство, в то время как ответственность за внешнюю безопасность традиционно остаётся в их зоне

компетенции. Качественный анализ ответов в категории «другое» дополняет эту картину интересными авторскими определениями. Респонденты характеризуют семью как «командную работу», «разделение рисков» и «взаимоподдерживающий коллектив». Подобные формулировки свидетельствуют о рационализации интимности: любовь перестаёт быть иррациональным чувством и становится стратегическим ресурсом. Этот разрыв между желаемым идеалом и субъективно ощущаемой угрозой неопределённости становится фундаментальным барьером, порождающим стратегию откладывания брака до достижения мифической «полной стабильности».

2. Архитектура страхов и барьеров.

Переход от ценностных ориентаций к реальным социальным практикам в студенческой среде блокируется комплексом факторов, которые мы определяем как «архитектуру страхов». Если в смысловом ядре семьи доминирует идеал «чистых отношений», то в поле социального действия разворачивается сценарий рационального избегания рисков. В рамках теории «общества риска» У. Бека [23] и «текущей современности» З. Баумана, брак воспринимается не как автоматический этап жизненного цикла, а как высокорискованный проект, требующий избыточных ресурсов для компенсации внешней нестабильности. Подобная рационализация чувств коррелирует с вы-

водами Е. Иллус о проникновении экономических моделей в сферу интимности. Она отмечает, что современные отношения регулируются «эмоциональным капитализмом», где поиск партнёра превращается в бесконечный перебор вариантов с целью максимизации выгоды. Страх перед обязательствами, который демонстрируют респонденты является не личностным изъяном, а рациональной реакцией на перенасыщенный брачный рынок, где изобилие выбора создаёт ощущение, что лучший вариант всегда впереди, обесценивая текущие отношения [4, с. 150, 163]. Эмпирические данные позволяют ранжировать ключевые «стоп-факторы», препятствующие институционализации брачно-семейных отношений (см. таблицу 3).

Таблица 3

Рейтинг негативных факторов, препятствующих созданию семьи

Table 3

Ranking of Negative Factors That Prevent People from Starting a Family

Социальный барьер	% упоминаний	Степень влияния
Экономический кризис	67,7	Критическая
Неопределённость будущего	65,6	Критическая
Плохие жилищные условия	61,2	Высокая
Политическая ситуация	34,2	Средняя
Безработица	31,7	Средняя

Источник: составлено авторами на основе результатов опроса. Респонденты имели возможность выбрать несколько вариантов ответа.

Анализ структуры барьеров демонстрирует сращивание материальных и экзистенциальных угроз. Лидирующую позицию занимает «экономический кризис», что подтверждает тезис о возврате к материалистическому детерминизму в условиях снижения уровня жизни. Однако практически идентичный показатель «неопределённости будущего» указывает на то, что молодёжь пугает не столько текущий дефицит ресурсов, сколько отсутствие предсказуемого горизонта планирования. Семья, требующая долгосрочных обязательств, вступает в нераз-

решимое противоречие с сиюминутностью жизненных траекторий. Жилищный вопрос остаётся классическим инфраструктурным барьером, который в открытых ответах респондентов метафорично описывается как страх «жизни в коробке из-под холодильника», что подчёркивает нежелание студентов снижать привычный уровень потребления ради создания союза. Особый интерес представляет гендерная асимметрия в восприятии этих угроз. Архитектура страхов у женщин и мужчин имеет различную конфигурацию (см. таблицу 4).

Таблица 4

Карта проблем студенческой молодежи через призму пола респондентов

Table 4

Map of Student Youth Problems Through the Prism of Respondents' Gender

Проблема	Женщины, %	Мужчины, %	Аналитическая заметка
Снижение интереса ко всему	65,9	61,9	Общий рост апатии
Кризис морали	35,9	43,6	Мужчины более консервативны
Безработица	31,3	20,9	Женщины чувствуют риск сильнее

Источник: составлено авторами на основе результатов опроса.

Статистически значимые различия фиксируются в отношении к социальной защищённости. Женщины острее реагируют на неопределённость будущего и значительно чаще указывают на отсутствие финансовой помощи со стороны государства. Это объясняется тем, что в российской социокультурной модели репродуктивные риски и ответственность за бытовую стабильность семьи по-прежнему в большей степени возлагаются на женщину. Страх перед безработицей (у трети женщин) коррелирует с опасением утратить социальный статус и экономическую автономию при вступлении в брак или рождении ребёнка. Мужская часть опрошенных демонстрирует специфический профиль тревожности. Для них более характерна проблематизация «кризиса морали» и «политической ситуации». В качественных ответах мужчин (вариант «другое») фиксируются страхи, связанные с «возможностью уйти по мобилизации и погибнуть») и суровостью законов в отношении отцов («законы не в пользу отца»). Таким образом, если женские страхи локализованы в сфере социально-экономической безопасности, то мужские – в сфере физической и право-

вой уязвимости. Общим для обоих полов является феномен «снижения интереса ко всему» (более 60%). В социологическом дискурсе это можно интерпретировать как защитную реакцию на избыточное давление среды. Когда барьеры становятся субъективно непреодолимыми, молодёжь выбирает стратегию социальной апатии.

3. Репродуктивные установки и возрастные нормы.

Репродуктивные и матримониальные установки студенчества выступают наиболее репрезентативным индикатором ценностного дуализма. В них фокусируется противоречие между идеальными представлениями о жизненном успехе и прагматичными расчётами, продиктованными внешней средой. Анализ эмпирических данных позволяет констатировать доминирование стратегии «отложенного взросления», которая в социологическом дискурсе интерпретируется как рациональный ответ на дефицит экзистенциальной безопасности. Центральным элементом этой стратегии является формирование нового возрастного консенсуса относительно легитимных границ вступления в брак (см. таблицу 5).

Таблица 5

Матрица жизненного планирования

Table 5

Life Planning Matrix

Параметр планирования	Значение (мода)	% респондентов
Планируют семью в ближайшем будущем	Да	44,5
Оптимальный возраст для брака	25–29 лет	62,5
Желаемое число детей	Двое	39,7
«Чайлдфри»-установки	Ни одного ребёнка	10,6

Источник: составлено авторами на основе результатов опроса.

Согласно полученным результатам подавляющее большинство студентов считают наиболее благоприятным периодом для создания семьи возраст от 25 до 29 лет. Лишь десятая часть респондентов ориентирована на ранние браки (до 25 лет). Подобный возрастной сдвиг свидетельствует о том, что в сознании молодёжи брак перестал быть «стартовой площадкой» взрослой жизни и превратился в её «финальный аккорд», возможный только после накопления необходимого человеческого и материального капитала. Семья в данном контексте выступает как проект, требующий предварительного формирования «подушки безопасности» (высшее образование, карьерный старт, первичная финансовая автономность). Репродуктивные намерения студентов при этом остаются умеренно-традиционными: установка на двухдетную модель семьи (39,7%) доминирует над однодетной (18,9%). Однако обращает на себя

внимание значительная доля сторонников чайлдфри-позиции и тех, кто не определился с количеством детей (14,8%). В совокупности это указывает на размывание универсальной репродуктивной нормы. В рамках теории «рационального выбора» Г. Беккера [24] это можно объяснить ростом альтернативных издержек: в условиях неопределённости дети воспринимаются как фактор, ограничивающий социальную мобильность и усиливающий экономическую уязвимость. Общий паритет в выборке между теми, кто планирует семью (44,5%), и теми, кто занимает позицию «пока нет» (44,4%), подтверждает состояние ценностного раскола. С одной стороны, сохраняется высокая ценность родительства (мотив «создание семьи» как главный для рождения детей – 41,8%), с другой – наблюдается детерминированность этих планов внешними условиями. Данный гендерный разрыв находит объяснение в теории

«сексуальных полей». Е. Иллуз указывает на возникновение «эмоционального» неравенства: в условиях дерегулированного брачного рынка мужчины, обладающие социальным и экономическим статусом, получают возможность откладывать вступление в брак, реализуя стратегию «последовательной сексуальности» и избегания обязательств (commitment phobia). Женщины же, ограниченные репродуктивным временем и более высокой потребностью в эмоциональном признании, оказываются в структурно невыгодном положении, что и порождает у них повышенный запрос на безопасность и определённую зафиксированный в нашем опросе [4, с. 178, 389]. В открытых ответах респонденты подчёркивают, что мотивом для деторождения должна быть «ментальная и финансовая готовность» и «наличие уверенной возможности воспитать нормального человека». Это подтверждает тезис о переходе к модели «ответственного родитель-

ства», где качество условий жизни превалирует над количественными демографическими показателями.

4. Кризис традиционных институтов и медиатизация ценностного сознания.

Завершающим этапом анализа ценностного дуализма студентов является изучение механизмов трансляции социальных норм. Выявленные ранее противоречия между идеализацией любви и страхом перед реальностью во многом детерминированы радикальной сменой агентов социализации. В условиях цифрового общества традиционные институты (семья, церковь, система образования и классическая литература) утрачивают монополию на формирование жизненных стратегий, уступая место медиатизированным пространствам. Эмпирические данные фиксируют глубокий разрыв между вертикальной (от старших к младшим) и горизонтальной (сетевой) моделями социализации (см. таблицу 6).

Таблица 6

Рейтинг агентов влияния на ценности студентов

Table 6

Rating of Agents Influencing Students' Values

Агент влияния	% упоминаний	Статус института
Социальные сети	80,0	Доминирующий
Лидеры мнений (блогеры)	67,0	Референтный
Друзья	49,7	Традиционный (горизонтальный)
Родительская семья	32,7	Традиционный (вертикальный) – кризис
Религия	3,7	Маргинальный

Источник: составлено авторами на основе результатов опроса.

Доминирование социальных сетей и лидеров общественного мнения свидетельствует о том, что ценностное сознание студентов формируется в логике «медиатизированного» мира [25]. Традиционные институты, такие как религия (3,7%) и печатная литература (3,4%), фактически вытеснены на периферию смыслообразования. Даже родительская семья, как источник норм, уступает влиянию цифровых платформ более чем в два раза. Этот сдвиг имеет критическое значение для понимания брачных установок. Если традиционные институты транслировали модель семьи как долга и преемственности, то медиасреда конструирует семью как «визуальный проект». Соцсети формируют завышенные стандарты материального успеха и эстетики повседневности, которые становятся фильтром для оценки собственной готовности к браку. В результате возникает феномен, зафиксированный в нашем исследовании как главная проблема молодёжи – «снижение интереса ко всему» (64,2%). В социологическом контексте это можно интерпретировать как «цифровую апатию»: столкновение идеализированного

медиаобраза с реальностью (кризисом, безработицей) порождает когнитивный диссонанс и паралич воли. Этот феномен коррелирует с диагнозом, поставленным современному обществу философом Бён-Чхоль Ханом. В работе «Агония эроса» он отмечает, что цифровая среда, уничтожая дистанцию и тайну «другого», приводит не к близости, а к исчезновению эротического опыта как такового. В «аду однообразия» любовь вырождается в потребление и поиск комфорта, лишённого риска, что закономерно ведёт к депрессии и неспособности выйти за пределы собственного нарциссизма [26. с. 16]. Именно такой механизм блокирует волю студентов к созданию реальных отношений, подменяя их безопасным потреблением образов. Студент, видя в сети недостижимый стандарт успешной жизни, теряет мотивацию к выстраиванию реальных, зачастую трудных и неэстетичных, бытовых отношений. Кризис институционального доверия порождает специфический запрос на качества личности, которые могли бы стать опорой в «ускользающем мире» (см. таблицу 7).

Таблица 7

Важные качества будущего брачного партнера

Table 7

Important Qualities of a Future Marriage Partner

Качество	% важности	Социальный подтекст
Надёжность	71,2	Поиск опоры в среде риска
Правдивость/Честность	65,7	Запрос на прозрачность отношений
Образованность	45,1	Инвестиция в человеческий капитал

Источник: составлено авторами на основе результатов опроса.

Высокий запрос на надёжность и честность является прямой реакцией на дефицит безопасности и предсказуемости. В условиях, когда внешние институты (государство, экономика) воспринимаются как источники неопределённости, студенты ищут эти качества в межличностном партнёрстве. Это объясняет, почему доверие занимает столь высокое место в определении семьи (32,4% в блоке 2). Семья мыслится как единственное пространство, где возможна реализация дефицитных ценностей честности и надёжности. Однако здесь круг дуализма замыкается: требуя от партнёра абсолютной надёжности, сами студенты боятся брать на себя долгосрочные обязательства из-за страха перед будущим. Образованность (45,1%) при этом воспринимается не как культурный багаж, а как инструментальный ресурс – способ повысить свою конкурентоспособность и тем самым минимизировать риски.

Таким образом, кризис традиционных институтов привёл к тому, что студенчество оказалось в ситуации нормативного вакуума, заполняемого цифровыми суррогатами. Социальные сети транслируют идеалы любви, но не дают инструментов для преодоления реальных социально-экономических барьеров. Это усиливает внутренний конфликт: молодёжь ориентирована на высокие стандарты отношений, но чувствует себя абсолютно незащищённой перед лицом реальности, что в конечном итоге ведёт к отказу от активного социального действия и консервации стратегии «отложенной жизни». Семья остаётся высшей ценностью, но её реализация в условиях институционального кризиса превращается в труднодостижимую утопию.

Выводы

Выдвинутые рабочие гипотезы подтверждены полученными данными, которые позволяют не просто зафиксировать текущее состояние брачно-семейных установок студенчества, но и вскрыть глубинные сдвиги в ценностном сознании молодёжи. Выявленный ценностный дуализм – это не случайное противоречие, а системная характеристика поколения, формирую-

щегося в условиях «глобальной рискогенности». Интерпретация результатов требует обращения к синтезу классических теорий и анализу специфических российских реалий 2025 года.

1. Феномен «безопасной любви»: семья как премиальный проект.

Центральным открытием исследования стал феномен, который мы определяем как «**безопасная любовь**». Эмпирически это подтверждается тем, что при доминировании любви (40,2%) как главного смысла семьи, реализация этого идеала жёстко обусловлена внешними факторами. В рамках теории «чистых отношений» Э. Гидденса современная интимность должна строиться на эмоциональном обмене, однако наше исследование показывает, что для российского студента «чистые отношения» возможны только в «стерильной» социально-экономической среде. Семья в сознании студенчества перестала быть «стартовым капиталом» или инструментом совместного выживания, как это было в традиционном или раннеиндустриальном обществе. Напротив, она превратилась в **высокозатратный инвестиционный проект**. Студенты демонстрируют высокую потребность в любви и доверии, но они не готовы платить за эти чувства снижением привычного качества жизни или социальной мобильности. Брак воспринимается как финализация успеха: сначала необходимо достичь определённого уровня потребления, профессионального статуса и жилищной автономности, и только затем институционализировать отношения. Мы наблюдаем «рыночный» подход к интимности: риск эмоционального разочарования умножается на риск материального краха, что делает стратегию «отложенного брака» единственно рациональной с точки зрения студента. Для современного студента, живущего в условиях неопределённости, такой «инвестиционный» подход к чувствам становится способом адаптации и защиты своего «я» от возможных потерь.

2. Парадокс Инглхарта в условиях кризиса.

Интерпретация данных через призму теории Р. Инглхарта выявляет специфический российский парадокс. Согласно классической схеме сту-

денческая молодёжь, как наиболее обеспеченное и образованное поколение, должна демонстрировать сдвиг к постматериализму (приоритет самовыражения, качества отношений, экологии). Наши данные частично подтверждают это: семья как «любовь» и «доверие» – это типичные постматериалистические конструкты. Однако здесь происходит **«материалистический возврат»**. Столкнувшись с реальностью экономического кризиса и неопределённостью будущего, студенты вынуждены возвращаться к ценностям выживания. Страх перед *«жизнью в коробке из-под холодильника»* является квинтэссенцией этого страха. Это не просто опасение бедности, это страх перед утратой человеческого достоинства и социального статуса, который в цифровом обществе неразрывно связан с визуальными атрибутами успеха. Дуализм проявляется в том, что студенты хотят «постматериалистической любви», но требуют для неё «сверхматериалистического фундамента». Происходит девальвация традиционного лозунга «с милым рай и в шалаше». В сознании студента «шалаш» (плохие жилищные условия) неизбежно разрушает «рай» (любовь). Таким образом, экономический детерминизм вновь становится доминирующим фактором, но уже на новом уровне: не ради физического выживания, а ради сохранения психологического комфорта и эстетики отношений. Это – «вынужденный прагматизм», который делает молодёжь крайне чувствительной к любым колебаниям государственной политики и рыночной конъюнктуры.

3. Гендерная асимметрия в разрыве между желанием и безопасностью.

Анализ гендерных различий вскрывает глубокий разрыв в стратегиях адаптации мужчин и женщин. Зафиксированный показатель (75,6% женщин считают семью высшей ценностью) указывает на сохранение традиционной ценностной ориентации у девушек. Однако именно женщины демонстрируют самый высокий уровень тревожности. Гендерная асимметрия заключается в том, что для женщины семья является одновременно и главной целью, и главным источником риска. Женщины чаще мужчин ищут в семье безопасность, но при этом острее ощущают отсутствие государственной поддержки (19,6%) и неопределённость будущего (67,1%). Это объясняется тем, что в современной России репродуктивный труд по-прежнему слабо социализирован. Вступая в брак и планируя детей, молодая женщина осознаёт, что попадает в зону максимальной зависимости от партнёра и внешних обстоятельств. Мужчины же чаще выбирают позицию «пока нет» (48,4%). Их дуализм носит иной характер: признавая ценность семьи, они воспринимают её как об-

ременительную ответственность, к которой они «не готовы» материально. Если для женщин барьеры – это угроза их безопасности, то для мужчин барьеры – это угроза их автономии и статусу «добытчика», который всё ещё транслируется культурой, несмотря на кризис традиционных институтов. В итоге мы получаем ситуацию взаимного ожидания: женщины ждут безопасности, мужчины ждут стабильности, а создание семьи откладывается до возраста 25–29 лет, который воспринимается как некий магический порог, за которым «всё наладится».

4. Цифровая социализация как катализатор дуализма.

Важным фактором интерпретации является роль медиасреды. Доминирование соцсетей и блогеров как агентов влияния объясняет, почему студенты так остро реагируют на материальные барьеры. Цифровое пространство транслирует **«эстетизированную норму»** семьи: идеальные интерьеры, путешествия, беспроblemное родительство. Этот медиаобраз создаёт завышенную планку «готовности». Студент сравнивает свою реальную жизнь (общегитие, подработки, неопределённость) с экранным идеалом и делает вывод о своей несостоятельности для брака. Это порождает «снижение интереса ко всему» – апатию, вызванную невозможностью достичь медийного стандарта. Традиционные институты, которые могли бы предложить альтернативные смыслы (семья как долг, как преодоление трудностей), утратили влияние. В результате молодёжь остаётся один на один с конфликтом между «хочу как в Instagram» (запрещён в России) и «могу как в реальности». Таким образом, ценностный дуализм студенчества – это **форма социального страхования**. Студенты не стали меньше любить или меньше ценить семью. Напротив, ценность семьи настолько высока, что они боятся испортить её плохими материальными условиями.

Выявленный дуализм свидетельствует о глубоком кризисе доверия к социальному будущему. Современное студенчество – это **поколение осторожных идеалистов**, которые хранят верность идеалу любви, но отказываются реализовывать его в условиях, которые они субъективно оценивают как враждебные и непредсказуемые. Это требует принципиально новых подходов в демографической политике: не просто денежных выплат, а создания «инфраструктуры уверенности», которая позволила бы молодёжи снизить порог страха перед вступлением во взрослую жизнь. Только через минимизацию субъективных барьеров и страхов возможно превращение семьи из «рискованного проекта» в доступную реальность для современного студенчества.

Список источников

1. Розенберг Н.В., Афанасьева Ю.Л. Образ жизни современной молодежи: приоритеты, ценности и практики // Наука. Общество. Государство. 2025. Том 13. № 3. С. 134–147. <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2025-13-3-13> EDN PEHRBC
2. Добринина О.А. «Ускользающий мир» и «текущая современность»: образ социальности в британской постнеклассической социологии // Теория и практика общественного развития. 2023. № 11. С. 88–92. <https://doi.org/10.24158/типор.2023.11.8> EDN FLYLMY
3. Meirinhos M., Portela L. Education in Liquid Modernity: Educate and Forming in an Uncertain World. *Research in Production and Development*. 2023;9(1):e621. <https://doi.org/10.32358/rpd.2023.v9.621>
4. Иллуз Е. Почему любовь ранит? Социологическое объяснение. М.: Директмедиа Паблишинг, 2020. 400 с. ISBN 978-5-4499-0435-5
5. Hjarvard S., Petersen L.N. Mediatization and Cultural Change. *MedieKultur: Journal of Media and Communication Research*. 2013;54:1–20. <https://doi.org/10.7146/mediekultur.v29i54.8123>
6. Yang X. The Role of Social Media in Shaping Fertility Intentions Among Young Women in East Asian Cultures. In: Feng J. (ed.) 2024 International Conference on Language, Education and Human Development; February 22, 2024; Suzhou, China. 2024;9(1):302–309. <https://doi.org/10.56028/aeHSSr.9.1.302.2024>
7. Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005. 256 с. ISBN 5-901574-46-X EDN PWYQPR
8. Hepp A., Bolin G., Guzman A.L., et al. Mediatization and Human-Machine Communication: Trajectories, Discussions, Perspectives. *Human-Machine Communication*. 2024;7:7–22. <https://doi.org/10.30658/hmc.7.1>
9. Lajnef K. The Effect of Social Media Influencers' on Teenagers Behavior: an Empirical Study Using Cognitive Map Technique. *Current Psychology*. 2023;42:19364–19377. <https://doi.org/10.1007/s12144-023-04273-1>
10. Гомозова Е.В. Трансформация демографических установок молодежи в медиапространстве: теоретико-концептуальный анализ // Гуманитарий Юга России. 2025. Том 14. № 5. С. 127–139. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2025.5.9> EDN PXWXXL
11. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований: [монография]. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с. ISBN 978-5-89697-327-0 <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-325-6> EDN BNSNDA
12. Цельковский А.А. Конструктивные и деструктивные эффекты медиатизации семейной памяти // Философская мысль. 2024. № 10. С. 1–11. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2024.10.72095> EDN ZBJIBD
13. Wang S., Zhong S. Economic Uncertainty, Cultural and Ideational Transition, and Low Fertility. *Sustainability*. 2022;14(14):e8344. <https://doi.org/10.3390/su14148344>
14. Соколовская Т.А., Армашевская О.В., Сененко А.Ш. Влияние социально-экономических факторов и гендерных особенностей на репродуктивное поведение населения // Социальные аспекты здоровья населения. 2022. Том 68. № 5. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2022-68-5-10> EDN OQZOSG
15. Короленко А.В., Калачикова О.Н. Репродуктивные установки молодых семей: факторы и условия реализации (по материалам углубленных интервью) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Том 15. № 2. С. 172–189. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.11> EDN OGIYSX
16. Бессчетнова О.В. Семейные ценности и репродуктивные установки студенческой молодежи: рожать нельзя откладывать // Вопросы управления. 2025. Том 19. № 2. С. 17–31. EDN NYZYWW
17. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. Политические исследования. 1997. № 4. С. 6–32. EDN ESCOIL
18. Вишневецкий Ю.Р., Дидковская Я.В., Зырянова О.Б. Матримониальные и репродуктивные установки молодежи в контексте безопасности молодой семьи // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 40–55. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2024.1.3> EDN BRHDYG
19. Kearney M.S., Levine P.B. Why is Fertility so Low in High Income Countries? National Bureau of Economic Research. Working Paper No. w33989. Cambridge: NBER; 2025. 45 p. <https://doi.org/10.3386/w33989>
20. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004. 208 с. ISBN 5-469-00133-4 EDN LDGYIR
21. Сорокин П.А. Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты. Сыктывкар: Анбур, 2018. 640 с. ISBN 978-5-91669-238-9 EDN XYIVRR
22. Bauman Z. Organization for Liquid-Modern Times? *Critical Sociology*. 2023;49(6):923–933. <https://doi.org/10.1177/08969205231170923>
23. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с. ISBN 5-89826-059-5 EDN RAYTKJ
24. Becker G.S., Tomes N. Human Capital and the Rise and Fall of Families. *Journal of Labor Economics*. 1986;4(3):1–39. <https://doi.org/10.1086/298118>
25. Couldry N., Hepp A. The Mediated Construction of Reality. Cambridge-Malden: Polity Press; 2017. 256 p. ISBN 978-0-7456-8130-6
26. Хан Б.-Ч. Агония эроса. Любовь и желание в нарциссическом обществе. М.: Изд-во АСТ, 2023. 160 с. ISBN 978-5-17-152216-2

Информация об авторах:

Ирина Борисовна Бритвина – доктор социологических наук, профессор кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга, Институт экономики и управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

(SPIN-код: 8650-6509) (Researcher ID: N-9616-2013) (Scopus Author ID: 56766050400)

Екатерина Васильевна Зайцева – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления, Институт экономики и управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

(SPIN-код: 8618-6729) (Researcher ID: AAD-7875-2019) (Scopus Author ID: 57220778399)

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Ирина Борисовна Бритвина.

Статья поступила в редакцию 13.01.2026; одобрена после рецензирования 26.02.2026; принята к публикации 15.06.2026.

References

1. Rozenberg N.V., Afanasyeva Yu.L. The Lifestyle of Modern Youth: Priorities, Values, and Practices. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*. 2025;13(3):134–147. <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2025-13-3-13> (In Russ.)
2. Dobrina O.A. The Runaway World and Liquid Modernity: The Image of Sociality in British Post-Nonclassical Sociology. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya=Theory and Practice of Social Development*. 2023;11:88–92. <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.11.8> (In Russ.)
3. Meirinhos M., Portela L. Education in Liquid Modernity: Educate and Forming in an Uncertain World. *Research in Production and Development*. 2023;9(1):e621. <https://doi.org/10.32358/rpd.2023.v9.621>
4. Illouz E. Why Love Hurts: A Sociological Explanation. Moscow: Directmedia Publishing; 2020. 400 p. ISBN 978-5-4499-0435-5 (In Russ.)
5. Hjarvard S., Petersen L.N. Mediatization and Cultural Change. *MedieKultur: Journal of Media and Communication Research*. 2013; 54: 1–20. <https://doi.org/10.7146/mediekultur.v29i54.8123>
6. Yang X. The Role of Social Media in Shaping Fertility Intentions Among Young Women in East Asian Cultures. In: Feng J. (ed.) 2024 International Conference on Language, Education and Human Development; February 22, 2024; Suzhou, China. 2024;9(1):302–309. <https://doi.org/10.56028/aehtsr.9.1.302.2024>
7. Luhmann N. Die Realität der Massenmedien. Moscow: Publishing House Praxis; 2005. 256 p. ISBN 5-901574-46-X (In Russ.)
8. Hepp A., Bolin G., Guzman A.L., et al. Mediatization and Human-Machine Communication: Trajectories, Discussions, Perspectives. *Human-Machine Communication*. 2024;7:7–22. <https://doi.org/10.30658/hmc.7.1>
9. Lajnef K. The Effect of Social Media Influencers' on Teenagers Behavior: an Empirical Study Using Cognitive Map Technique. *Current Psychology*. 2023;42:19364–19377. <https://doi.org/10.1007/s12144-023-04273-1>
10. Gomozova E.V. Transformation of Youth Demographic Attitudes in the Media Environment: Theoretical and Conceptual Analysis. *Gumanitarij Yuga Rossii=Humanities of the South of Russia*. 2025;14(5):127–139. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2025.5.9> (In Russ.)
11. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. The Youth of Russia under the Lens of Sociology: Results of Years of Research. Monograph. Moscow: FCTAS RAS; 2020. 688 p. ISBN 978-5-89697-327-0; <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020> (In Russ.)
12. Tselykovskiy A.A. Constructive and Destructive Effects of Mediatization of Family Memory. *Filosofskaya mysl'*. 2024;10:1–11. (In Russ.)
13. Wang S., Zhong S. Economic Uncertainty, Cultural and Ideational Transition, and Low Fertility. *Sustainability*. 2022;14(14):e8344. <https://doi.org/10.3390/su14148344>
14. Sokolovskaya T.A., Armashevskaya O.V., Senenko A.Sh. Impact of Socio-Economic Factors and Gender Characteristics on Reproductive Behaviour of Population. *Social'nye aspekty zdorov'a naselenia=Social Aspects of Population Health*. 2022;68(5):10. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2022-68-5-10> (In Russ.)
15. Korolenko A.V., Kalachikova O.N. Reproductive Attitudes of Young Families: Driving Forces and Implementation Conditions (on the Basis of In-Depth Interviews). *Ehkonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022;15(2):172–189. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.11> (In Russ.)
16. Besschetnova O.V. Family Values and Modern Students Reproductive Attitudes: Giving Birth Cannot Be Postponed. *Voprosy upravleniya=Management Issues*. 2025;19(2):17–31. (In Russ.)
17. Inglehart R. Postmodern: Menyayushchiesya Cennosti i Izmenyayushchiesya Obshchestva. *Polis. Politicheskie issledovaniya=Polis. Political Studies*. 1997;4:6–32. (In Russ.)
18. Vishnevskiy Yu.R., Didkovskaya Ya.V., Zyryanova O.B. Matrimonial and Reproductive Attitudes of Youth in the Context of Young Family Safety. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve=Woman in Russian Society*. 2024;1:40–55. (In Russ.)

19. Kearney M. S., Levine P. B. Why is Fertility so Low in High Income Countries? National Bureau of Economic Research. Working Paper No. w33989. Cambridge: NBER; 2025. 45 p. <https://doi.org/10.3386/w33989>
20. Giddens A. The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love, and Eroticism in Modern Societies. Saint Petersburg: Publishing House Piter; 2004. 208 p. ISBN 5-469-00133-4 (In Russ.)
21. Sorokin P.A. Krizis Nashego Vremeni. Rossiya i Soedinennyye Shtaty. Syktyvkar: Publishing House Anbur; 2018. 640 p. ISBN 978-5-91669-238-9 (In Russ.)
22. Bauman Z. Organization for Liquid-Modern Times? *Critical Sociology*. 2023;49(6):923–933. <https://doi.org/10.1177/08969205231170923>
23. Beck U. Obshchestvo Riska. Na Puti k Drugomu Modernu. Moscow: Publishing House Progress-Tradiciya; 2000. 283 p. ISBN 5-89826-059-5 (In Russ.)
24. Becker G.S., Tomes N. Human Capital and the Rise and Fall of Families. *Journal of Labor Economics*. 1986;4(3):1–39. <https://doi.org/10.1086/298118>
25. Couldry N., Hepp A. The Mediated Construction of Reality. Cambridge-Malden: Polity Press; 2017. 256 p. ISBN 978-0-7456-8130-6
26. Han B.-Ch. Agonie des Eros. Love and Desire in a Narcissistic Society. Moscow: Publishing House AST; 2023. 160 c. ISBN 978-5-17-152216-2 (In Russ.)

Information about the authors:

Irina B. Britvina – Doctor of Sociology, Professor of the Department of Integrated Marketing Communications and Branding, Institute of Economics and Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (SPIN-code: 8650-6509) (ResearcherID: N-9616-2013) (Scopus Author ID: 56766050400)

Ekaterina V. Zaitseva – PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Theory, Methodology and Legal Support of State and Municipal Administration, Institute of Economics and Management, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

(SPIN-code: 8618-6729) (ResearcherID: AAD-7875-2019) (Scopus Author ID: 57220778399)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Irina B. Britvina.

The article was submitted 13.01.2026; approved after reviewing 26.02.2026; accepted for publication 15.06.2026.